

Глава 3. Незнательность и страх

— С точки зрения космологии Большого взрыва у времени есть направленная стрела, — Бу Тянь с надеждой посмотрел на Ян Гуанфэй. — И это доказывает, что в нашей огромной Вселенной время действительно неумолимо течет вперед...

Ян Гуанфэй перебил его:

— Ошибка. Мы не можем воссоздать условия Большого взрыва, а значит, и утверждать, что в тот момент Вселенная находилась в состоянии низкой энтропии, тоже нельзя.

Бу Тянь снова потерпел поражение. Он заметно помрачнел, чувствуя, как внутри нарастает глухое раздражение.

Ян Гуанфэй наконец оторвался от бумаг и вопросительно взглянул на него:

— С чего вдруг тебя потянуло на такие споры?

Бу Тянь промолчал.

— Порой люди не то чтобы не знают правды, — продолжил Ян Гуанфэй. — Они ее просто боятся. Сама стрела времени — это психологический конструкт. Человеку свойственно верить, что все движется вперед, и это кажется нам естественным порядком вещей.

Вглядевшись в лицо собеседника, он тихо спросил:

— Ты тоже боишься?

«Нет, я боюсь не правды, — подумал Бу Тянь. — Я боюсь неизвестности».

Но неизвестность и была той самой правдой, которую невозможно измерить точнее всего.

Ему куда проще было поверить, что проблема кроется в его собственной голове, а не в самом мироустройстве. Так было легче жить.

Бу Тянь шёл по заснеженному льду, взвалив на плечи труп. Ноги скользили, он раз за разом падал, но упрямо поднимался и двигался дальше. Он отчетливо понимал, что спит. Знал и то, что тяжелое тело за его спиной принадлежит вовсе не Цю Сяонаню — просто знал, без всяких причин.

Ледяная пустыня постепенно теряла очертания. Белесый туман медленно наползал со всех сторон, стирая ориентиры. Потеряв направление, Бу Тянь остановился.

«Куда мне идти?»

— Цю Сяонань! — крикнул он в пустоту.

Никто не отозвался. Туман поглотил звук, не оставив даже намека на эхо.

Навалилась свинцовая усталость. Бу Тяню захотелось наконец взглянуть на свою ношу. Присев, он осторожно опустил тело на холодный лед.

По очертаниям это была женщина. Одета она была довольно странно, напоминая средневековых европейских путешественников: на плечах — накидка из грубой овчины, а лицо скрыто под глубоким капюшоном.

Откинув капюшон, Бу Тянь увидел девичье лицо. Совсем молодая, с забавными хвостиками на голове.

Удивительно, но страха или удивления он не почувствовал. Эмоции словно выгорели. Он спокойно вернул капюшон на место и опустился на лед рядом с ней.

Никогда еще сон не длился так долго. Бу Тяня не покидало ощущение, что он должен кого-то дождаться.

Мысли его унеслись куда-то далеко, а когда он очнулся, туман уже растаял без следа. И тут перед ним предстала картина, повергшая его в самый дикий ужас.

Толстый лед под ногами мгновенно сделался прозрачным, словно тонкое стекло. А там, в глубине, копошились бесчисленные, налитые кровью глаза.

Бу Тянь вскрикнул и едва не повалился навзничь.

Тысячи глазных яблок уставились прямо на него.

Паника захлестнула его. Вокруг него под прозрачной коркой выстроился сплошной хоровод из этих немигающих взоров. Вдруг прямо под его ступнями возникла мертвенно-бледная рука. От неожиданности Бу Тянь рухнул на лед, тут же вскочил и попятился. Синеватая кисть яростно колотила по ледяной преграде изнутри, пытаясь пробить ее и дотянуться до него.

Вода под стеклянной коркой была мутной, гнилой. Вдруг из глубины выплыла

колоссальная склизкая тварь. Выбросив длинный мускулистый язык, она одним махом слизнула бьющуюся руку вместе с окружавшими ее глазными яблоками. Монстр жадно прижался языком к ледяной броне с той стороны. Бу Тянь в оцепенении разглядывал размазанные по его скользкой плоти ошметки раздавленных глаз.

Чудовищный язык извивался прямо у него под ногами.

Но лед выдержал. Поняв, что добыча недосыгаема, чудовище лениво вильнуло хвостом и растворилось во тьме.

Когда муть улеглась, Бу Тянь наконец разглядел, что творилось на глубине. От этого зрелища у него подкосились колени.

На дне росло исполинское уродливое дерево. Вокруг него копошились невиданные, отвратительные создания. Казалось, под этим льдом раскинулась гигантская сточная яма вселенной, куда слили всю грязь и мерзость этого мира.

И там же, среди гнили, он отыскал того, кого ждал.

Цю Сяонань неподвижно лежал на самой вершине этого жуткого дерева, словно погруженный в глубокий сон.

Бу Тяня мгновенно выбросило из сна.

Самые жуткие кошмары, не поддающиеся никакому описанию, не смогли прервать это видение. Но один лишь взгляд на Цю Сяонаня, запертого в бездне, заставил его сердце бешено заколотиться, оборвав сон.

Бу Тянь еще полчаса лежал пластом, тупо глядя в потолок, и поднялся только тогда, когда соседи по комнате начали шумно собираться на учебу.

«Может, сегодня опять придут новости о смерти Цю Сяонаня?»

«Надо бы сходить к психотерапевту».

Эти две мысли стали итогом его утренних раздумий.

Звонок Лю Цинчжоу застал Бу Тяня в библиотеке за чтением фрейдовского «Толкования сновидений».

Друг, как всегда, вопил в трубку с напускной паникой:

— Слышь, ты где?! Тут лекция века! Весь факультет согнали, явку проверяют!

Бу Тянь чертыхнулся — он совсем позабыл об этом обязаловском мероприятии. Пришлось спешно собирать вещи и бежать в учебный корпус, чтобы успеть отметить в списках.

— Ты в последние дни сам не свой, — хохотнул Лю Цинчжоу, когда Бу Тянь втиснулся на соседнее сиденье. — Будто у тебя критические дни начались.

— О чем хоть треплются? — хмуро спросил Бу Тянь.

— Да черт его знает, правила игры в дурака объясняют, — отмахнулся Лю Цинчжоу.

Не желая слушать его бредни, Бу Тянь повернулся к старосте группы Фань Чжиюаню:

— Лаода, тут хоть что-то полезное будет? Если нет, я тихонько свалю.

Фань Чжиюань крепко сжал его плечо, возвращая на место:

— Сиди уже. Декан и куратор в первом ряду бдят. Уважь стариков, не подставляй группу.

На трибуне вещал пожилой профессор. Говорил он монотонно, каша во рту мешала разобрать слова, а за десять минут нудного вступления он не выдал ни одной мысли, которую нельзя было бы уложить в короткую фразу.

— Этот старый зануда сейчас кадилом махать начнет, — прошептал Лю Цинчжоу. — «Люди рождаются от людей, демоны от демонов»... Настоящий буддийский монах, блин.

Чжун Хань на секунду оторвался от экрана телефона и фыркнул:

— Он что, лекцию о сотворении мира читает?

— Во-во, именно! — тут же подхватил Лю Цинчжоу, готовый нести чушь часами. — Как раз дошли до того момента, как богиня Нюйва людей из глины лепила.

Чжун Хань лишь закатил глаза и снова уткнулся в мобильник.

Лю Цинчжоу бесцеремонно заглянул ему через плечо:

— Слушай, Чжун-сяо, у тебя сеть вообще зверь. У меня даже сообщения не отправляются, а ты тут спокойно в свои симуляторы свиданий режешься.

Сидевшая неподалеку однокурсница неодобрительно покосилась на них.

Чжун Хань отвесил болтуну легкий подзатыльник:

— Тянь-сяо, заberi этого придурка.

— Знал бы куда — давно бы ушел и его прихватил, — вздохнул Бу Тянь.

Лю Цинчжоу вдруг хитро прищурился и ткнул пальцем куда-то вперед:

— О, гляди-ка! Она тоже притащилась.

Бу Тянь закатил глаза:

— Чувак, согнали весь поток. Она что, особенная? Разве что с параличом бы отпустили.

— Да ну тебя, вечно ты все опошлишь, — отмахнулся Лю Цинчжоу. — Я про ее подружку. Давно их вместе не видел, думал, рассорились уже. Ну сам знаешь, между признанной королевой курса и серой мышкой искренней дружбы не бывает.

Бу Тянь нахмурился:

— Про какую подружку?

— Да про ту, что с красавицей из авиационного отделения вечно таскается. Совсем память отшибло?

— погоди, — Бу Тянь вытянул шею, силясь разглядеть передние ряды. — Кто рядом с ней сидит?

— Да откуда мне знать имя? Ну, та невзрачная девица, они вечно парой ходили.

Бу Тянь всмотрелся. Спинки кресел в амфитеатре лекционного зала были высокими, но сквозь узкий зазор между рядами ему удалось разглядеть лицо сидящей впереди девушки.

В следующую секунду кровь отхлынула от его лица.

Никто в шумной аудитории не заметил, как он оцепенел. Лю Цинчжоу продолжал увлеченно пялиться на первых красавиц факультета.

— Но ведь... она же мертва, — прерывистым, севшим голосом произнес Бу Тянь.

Фань Чжиюань недоуменно поднял голову:

— Кто?

— Та девчонка... рядом с признанной красавицей... — Бу Тянь отчаянно пытался удержать дрожь в голосе. — Разве она не сбросилась с крыши в самый первый день семестра?

Парни переглянулись, на их лицах отразилось искреннее непонимание:

— О чем ты вообще? Какой первый день?

Бу Тянь переводил пустой, растерянный взгляд с одного друга на другого.

— Ты бредишь, бро, — хмыкнул Лю Цинчжоу. — С чего ты взял? Перепутал с кем-то.

Но Бу Тянь не мог ошибиться. В первый день занятий он ходил пополнять баланс студенческой карты. Проходя мимо женского общежития, он заметил группу взволнованных студентов, судорожно набиравших номера на телефонах. Сделав еще несколько шагов, он увидел ее — босую девушку, неподвижно лежащую лицом в сугробе.

И когда он вернулся в комнату после всех дел, именно Лю Цинчжоу первым захлеб рассказывал об этом трагическом происшествии.

Тогда все общежития западного крыла только об этом и гудели: разбилась насмерть неприметная подружка главной красавицы курса.

Фань Чжиюань, заметив неестественную бледность Бу Тяня, нахмурился и тихо спросил:

— Эй, Тянь-сяо, ты в порядке? На тебе лица нет.

В этот момент голос старого профессора на трибуне внезапно зазвучал громче, пробиваясь сквозь гул притихшей аудитории:

— Есть одно понятие, коллеги, над которым не стоит ломать голову слишком усердно. Я посвятил этому всю жизнь, но так и не приблизился к разгадке. И, поверьте, никто не приблизится. Это понятие — время.

Старик сделал паузу, обведя затихший зал блеклым взглядом.

— Потому что любое исследование времени неизбежно превращается в исследование устройства самого мироздания.

<http://bllate.org/book/19555/2028548>